

Клуб рассказчиков

Константин КОМАРОВСКИХ

РАКОВЫЙ БИЗНЕС

Веники

Летние каникулы для школьников существовали всегда. Наступило это прекрасное время и в пятьдесят третьем году. Год этот был ознаменован двумя выдающимися событиями: умер великий Сталин, и Лека с Колькой окончили начальную школу. По поводу первого события у Кольки не было никакого определенного мнения, он просто не мог понять, как это: умер товарищ Сталин. Этого не может быть. Ведь не может же умереть Господь Бог. Он был всегда и всегда будет. Так говорит его бабушка, а она все знает. А товарищ Сталин – это бог. Только зовут его не так, как того бога, что у Кольки дома на иконе. Того зовут Иисус Христос. Но Колька его никогда не видел. Бабушка сказала ему, что Иисус Христос живет на небесах. Колька пытался уточнить, что такое небеса. Бабушка показала рукой на темные облака. Кольке было стыдно расспрашивать дальше, хотя он так и не понял, как можно жить на облаках, ведь они состоят из капелек воды, так им говорили в школе. А товарищ Сталин жил в Кремле. У Колькиной мамы был одеколон, который назывался Кремль. Это красивая большая бутылка в виде круглой башни, оттуда шел очень приятный запах. Колька понимал, что в бутылке, конечно, товарищ Сталин жить не может. Кремль – это большой дом такой же формы, как бутылка с одеколоном, и там тоже так же приятно пахнет.

Но он стеснялся обсудить этот воп-

рос даже с Лекой. Дома же никаких разговоров о Сталине он не слышал.

По поводу второго выдающегося события было много разговоров, в основном приятных: Колька получил похвальную грамоту. Грамота очень красивая, там написано золотыми буквами: «За отличную учебу и примерное поведение», а еще нарисован портрет. Все ребята, конечно, знали, чей это портрет. Это был портрет самого доброго и умного человека – товарища Сталина. Человека, который должен быть тебе ближе матери и отца, как их учили в школе. Впрочем, отцов у них не было. Отцы их не вернулись с фронта. Тогда почему-то не говорили: «погиб на войне», только – «на фронте».

Лека грамоту, правда, не получил, хотя учился тоже хорошо. Может быть, грамот просто не хватило. Но Лека и не переживал.

Как-то так вышло, что, несмотря на то, что учились они с первого класса вместе и жили близко друг от друга, дружба их началась только сейчас. А сдружил их фотокружок Дома пионеров.

Фотографировать они начали, конечно, не сразу. Сначала надо было сделать фотолабораторию. Но и это было интересно. Руководил кружком Михаил Захарович, немолодой уже, по понятиям ребят, человек в очках. Он учил их резать фанеру и прибивать ее к стенам, а потом эти стены они оклеивали черной бумагой, чтобы ни один даже самый маленький лучик света не проник в построенную их собственными

руками фотолабораторию, как гордо они называли отгороженный в большой комнате угол. И электричество они туда тоже провели сами. А еще Михаил Захарович рассказывал им, как и почему получают фотографии. И вот наступил самый волнующий день, когда на штатив был установлен аппарат «Фотокор» и произведен первый снимок. Они уже знали по рассказам Михаила Захаровича, что такое негатив и позитив, но все же, увидев негатив, они были крайне удивлены. Черное там было белым и наоборот. И никто из них не подумал тогда, что много будет в их жизни моментов, когда черные картины жизни будут выдаваться за белые.

Жили они в маленьком городке на берегу реки, которая официально относилась к «малым» рекам. Недалеко от их домов было расположено Управление малых рек, сокращенно УМР, что ребяташки давно уже переделали в «Умру». Река их, правда, не казалась им малой, а даже наоборот, огромной и мощной. Может, потому, что никаких других рек они еще просто не видели, а может, потому, что весной она превращалась в бурный поток, все сметающей на своем пути. Летом она была теплой и ласковой, однако переплыть на другой берег было не очень легко, это считалось у мальчишек чуть ли не подвигом. И редкий десятилетний мальчишка мог на это отважиться.

У Леки был дед. Как его звали, Колька не знал. Никто никогда не называл его по имени, только – дед. Дед был сухой и сгорбленный, совершенно лысый. Большой крючковатый нос, впалые щеки, тусклые неопределенного цвета глаза, не выражающие, казалось, ничего, кроме полного безразличия ко всему окружающему, наводили иногда на Кольку страх. Хотя дед и ни разу не сказал ему ни одного плохого слова. Да и вообще никаких слов, обращенных к нему, Колька, пожалуй, не слышал. Дед словно не замечал Кольку совсем. Иногда он что-то бурчал себе под нос, но понять это бурчание было невозможно.

Передвигался дед медленно, однако уверенно. Худые узловатые пальцы слушались его еще хорошо. Он плел этими пальцами из прутьев корзины и корчажки – ловушки для рыбы. Несколько корчажек постоянно стояли на небольшой глубине, и Лека с Колькой иногда их проверяли. Рыба попадалась мелкая, и было ее немного. Но это была

настоящая рыба, живая. Кольке было ее жалко. Однако он был горд, что ловит рыбу, да еще и не удочкой с берега, как другие мальчишки, а корчажкой. Это казалось ему почему-то таинственным.

Колькин страх перед дедом еще больше усилился, когда он услышал от Вовки Шестакова, что лекин дед – враг народа. Он, мол, отсидел за это десять лет в Тайшете. Колька ничего не мог понять. Кто такие враги, он знал по кино. Недавно посмотрел очень хорошее кино. Называется «Падение Берлина». Там показывали много врагов. И все они были немцами. Все с пистолетами и автоматами. А какой пистолет у лекиного деда! Он постарался представить себе деда в форме немецкого офицера и расхохотался. Не вязался как-то убогий облик деда с лощеными, чисто вымытыми немецкими офицерами из кино. В жизни Колька, конечно, никаких немецких офицеров не видел. Одного русского офицера он, правда, видел. Этот офицер был летчиком. Он жил в войну у них на квартире. Жил недолго, да и Колька тогда был еще совсем маленьким, поэтому офицера он не запомнил, а вот зеленую легковушку, которая приезжала за летчиком, запомнил хорошо. И даже потом много рассказывал ребяташкам с гордостью, как один раз летчик прокатил его на этой легковушке.

А потом, враги – это, конечно, немцы. Вот Витька Рихтер может быть врагом. Он немец.

Его все так и зовут – фашист. Но представить Витьку в немецкой каске с автоматом в руках у Кольки тоже не получалось. Витька был курносый веснушчатый мальчишкой с огромными голубыми глазами, добрым, никогда ни с кем не дрался. Так что оставались только враги из кино.

Мысли о том, как дед десять лет сидел в Тайшете, не давали Кольке покоя. Как можно сидеть так долго, он не понимал. Урок в школе длится всего сорок пять минут, и то бывает очень трудно просидеть его до конца. А тут – десять лет! Колька прикинул, это как раз столько, сколько ему, Кольке, лет от роду. А ведь он уже большой, долго живет на свете. Сидел дед, конечно, не за партой. Скорее всего, это была лавка, большая, деревянная, как у бабы Нюры в деревне, где он несколько раз бывал в гостях. На этой лавке можно не только сидеть, но и спать. Но ведь сказано было: сидел. Ну, а поскольку

дед, скорее всего, был не один, одному уж очень скучно бы было, много дедов сидело на лавках в большом доме. Этот дом специально построили для сидения дедов. И назвали этот дом Тайшетом.

У всего должно быть имя. Вот кошку у Кольки зовут Муркой, а собаку у соседей – Шариком. Большие дома тоже как-то называются. Вот кинотеатр у них в городе называется «Комсомолец». Кто такие комсомольцы, Колька, конечно, знал. Он и сам будет комсомольцем, когда вырастет совсем большой. А пока он пионер. Но кто такие тайшеты, Колька не знал. Наверно, тоже хорошие люди, коль их именем назвали такой большой дом, где могут одновременно сидеть много дедов.

В красном углу Тайшета должна быть икона, как у Кольки дома. Только икона не маленькая и какая-то тусклая, как у них, а большая и яркая, чтобы деды ее хорошо видели, ведь зрение у них уже плохое. Колькина бабушка постоянно жалуется на зрение.

А на иконе изображен не боженька, а товарищ Сталин, очень красивый и строгий, как на похвальной грамоте. Деды, наверно, уставали от длительного сидения и начинали баловаться. Тогда товарищ Сталин грозил им с иконы пальцем.

Однажды Колька случайно услышал разговор своей матери с бабушкой. Из этого разговора он узнал, что и его дед тоже сидел в Тайшете. Но просидел там только один год.

Потом взял и умер. Видно, надоело ему сидеть. Случилось это задолго до Колькиного рождения, поэтому деда своего он видел только на фотографии. А вот у Лекиного деда с дисциплиной было лучше, поэтому он не умер, а просидев десять лет, вернулся на родную речку.

Колька решил проверить, правильно ли он думает про Тайшет. Самый умный человек – это его бабушка. Вот у нее он и спросил, что же это такое – Тайшет. Но бабушка почему-то очень серьезно на него посмотрела, на глазах ее появились слезы. Она крепко прижала Кольку к себе и сказала: «Не дай бог тебе туда попасть». Больше она не сказала ничего.

Но все-таки главной достопримечательностью деда была лодка. Настоящая смоленая лодка, довольно грубая и неуклюжая. Черная смола ее летом плавила на солнце и пачкала одеж-

ду. Но это все – ерунда! Главное – на этой лодке можно плавать, можно даже переплыть на «ту сторону», как почему-то у них называли противоположный берег реки, а можно весной в половодье ловить плывущие по воде бревна. Колька всегда с замиранием сердца смотрел, как отплывает от берега лодка, сидящий в ней человек багром цепляется за бревно, привязывает его к лодке веревкой, потом буксирует это бревно к берегу. У некоторых дворов стояло много таких бревен, именно стояло почти вертикально. Они были поставлены «на пола». Колька знал только одного попа – из сказки Пушкина. Но связи того попа с выловленными бревнами он установить не мог.

Лодок на реке было мало, они были только у самых основательных мужиков. А мужиков таких вернулось с фронта всего ничего. Ну а таких дедов, как Лекин, вообще больше, наверно, не было.

Колька ни разу не плавал на дедовой лодке. Он только иногда забирался в нее, вытащенную на галечник, садился на сиденье и представлял, как он будет грести веслами.

Это казалось ему не очень сложным, он это видел много раз.

И вот как-то Лека предложил Кольке: «Поедем завтра с дедом за вениками». Чуть помолчав, добавил с видом знатока: «Сейчас самое время их заготавливать – лист на березе еще не очень большой и держится крепко». Колька знал, для чего нужны березовые веники. В бане он несколько раз заходил в парную и видел, как взрослые мужики почему-то хлещут себя вениками. В парной было очень жарко, ему там не понравилось.

Веники Кольку не интересовали. Но ехать на лодке, да еще на Арчекас – об этом он и мечтать не мог. Арчекас был для их небольшого города местом необыкновенным, может, и не для всего города, но для мальчишек – абсолютно точно. Во-первых, это было довольно далеко, во-вторых, это горы, тогда как сам город был расположен на болотистой равнине, в-третьих, там было знаменитое Соколиное гнездо. Одни говорили, что на горе с таким названием живут соколы, другие – что на этой горе жил знаменитый разбойник по прозвищу Сокол. Происходило все это очень давно, лет сто тому назад. Река их тогда была полноводной, и по ней не сплавляли лес молам, как сейчас, а

шли баржи с верховьев, где добывали много золота. Вот этот Сокол и грабил баржи с золотом. Для чего ему надо было так много золота, Кольке было непонятно. Вот у Колькиной бабушки на пальце есть тоненькое золотое колечко, так она часто ворчит, что не может его снять с пальца. А Соколу, если бы он и захотел надеть золотые кольца на все пальцы обеих рук, для этого не нужна была целая баржа золота. Баржа ведь очень большая. В большую воду откуда-то, как говорит бабушка, с низовьев катер приводит баржу, которую толстым канатом привязывают к огромному тополю, что растет у них на огороде почти у самой кромки воды. Но золота на этой барже Колька никогда не видел.

На следующее утро Колька, как обычно, пошел к Леке. Лека – это вообще-то Алексей, но все почему-то звали его Лекой. Впрочем, его полное имя Колька узнал много позже, дружка его ведь даже в школе звали только Лекой.

И вот они втроем – дед и двое мальчишек – спустились с обрыва на галечную отмель к лодке. Теперь ее надо было столкнуть на воду. Вот тут-то Колька окончательно понял, какая лодка тяжелая. Колька со всей своей десятилетней силой упирался ногами в галечник. Но ноги скользили по мелким его камешкам, никак не получалось настоящей точки опоры. Руки обоих мальчишек вскоре стали черными от смолы. Но лодку они все же столкнули. Дед сел на корму, Колька на среднее сиденье, а Лека оттолкнул лодку от берега на глубину, исхитрившись сам в нее запрыгнуть. Колька с завистью смотрел, как все это ловко получается у Леки. Вот бы и ему так. Но лодка-то была не его, и дед был тоже не его.

Лека устроился рядом с Колькой на среднем сиденье, они взялись за весла. Каждый двумя руками греб одним распашным веслом. Делать это было надо одновременно, что почему-то не выходило. Получался разнобой. Из-за этого лодка шла неровно, зигзагами. Дед что-то ворчал по этому поводу, но понять было можно только то, что он недоволен. Кольке было очень стыдно, что он такой неумеха. Так иногда называла его бабушка, когда у него что-то не получалось. Но постепенно ребяташки освоили греблю, и лодка пошла ровнее. Они вышли почти на середину реки. Здесь течение было сильнее, особен-

но на перекатах. Тут начинал грести и дед своим рулевым веслом.

Солнце тем временем поднялось совсем высоко, стало очень жарко. По худеньким детским телам пот тек ручьями, попадая в глаза, отчего у Кольки появились слезы. А может, и не пот тому виной, а досада, что у него уже больше нет сил грести. И он даже не в состоянии вытереть эти предательские слезы, так как обе руки его судорожно сжимали когда-то желанное, а теперь ненавистное весло. А дед как-будто всего этого и не видел.

Он только иногда командовал: «Лека, греб! Колька, греб!» Команды эти раздавались, когда они проходили очередной перекат. А чем дальше, тем больше было перекатов, вроде и небольшие, а лодку сбивали с пути. Но вот они, уже почти полностью обессиленные, пришли к горам. Колька опять же не мог понять, почему дед сказал: «Вот и пришли». Они же плыли по реке на лодке. И только много позже он узнал, что дед когда-то был моряком и даже участвовал в русско-японской войне. А моряки говорят: не плавал, а ходил. Но тогда Колька знал об этой войне только песню «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...» Эту песню он пел вместе с другими ребятами, когда они водили хоровод на переменах со своей любимой старой учительницей Лидией Ивановной. Правда, чаще они пели песни про товарища Сталина, но так и должно быть, ведь товарищ Сталин – основа всего, он – Бог.

Они вытащили лодку на песчаную отмель, что окружала прибрежную гору. И тут же наступило полное бессилие. Солнце палило нещадно, голова кружилась, появились какие-то красные круги, которые вдруг начинали чернеть. Но тут дед вдруг бодрым, совершенно необычным для себя голосом отдал приказ: «Команда, в воду!» Колька даже сначала ничего не понял, но когда он увидел, что Лека, полностью сняв все с себя, зашел в реку, последовал его примеру. Показавшаяся сначала холодной вода как бы обожгла их разгоряченные потные тела и перехватила дыхание. Но через мгновение наступило ощущение невыразимого блаженства.

Они немного поплавали около берега (далеко заплывать дед запретил) и выбрались на сушу. И тут наступило чувство голода. Им казалось, что они не ели много дней, хотя утром позавт-

ракали как обычно. Они снова забрались в лодку, наполовину вытащенную на песок, и уселись на сиденье, вопросительно смотря на деда. Тот не торопясь развернул тряпицу неопределенного цвета, и Колькиному взору предстала краюха серого хлеба. Дед разломил хлеб на три части и молча вручил каждому из мальчишек по куску. А сам обмакнул свой кусок в воду и начал есть. И тут Колька увидел, что зубов у деда почти нет совсем. Вот почему дед обмакивает хлеб в воду! У Кольки были все зубы на месте, но все равно он последовал примеру деда. Однако, попробовав хлеб, Колька понял, что не только из-за отсутствия зубов дед мочит хлеб в воде. Вода придавала хлебу какой-то дополнительный необычный вкус. Такого вкуса Колька не ощущал ни разу за свою еще не очень длинную жизнь.

«Ну, а теперь в гору!» – приказал дед, когда они покончили с обедом. Гора снизу казалась совсем невысокой, но, дойдя до середины, Колька стал по этому поводу думать по-другому. Гора почему-то явно стала выше. Они пошли медленнее. Наконец дошли до вершины, где росли березы, с которых и надо было ломать ветки для веников. Колька тяжело дышал от жары и усталости, но виду старался не подавать. А вот дед как будто и не устал совсем. Он деловито ломал небольшие березовые ветки, переходя от березы к березе. Лека с Колькой старательно ему помогали. Через какое-то время около каждой березы выросли небольшие холмики веток, которые дед приказал снести в одну кучу.

Вязание веников оказалось не совсем простым делом. У деда получались аккуратные, даже, как казалось Кольке, красивые веники, а вот из-под Колькиных рук выходили какие-то лохматые чудовища, явно не похожие на дедовы. Колька сильно расстроился, на глаза от стыда и обиды навернулись слезы. И тут дед как-то вроде бы даже ласково сказал, впервые за всю поездку обратившись именно к нему: «Ничего, научись!» Кольке стало легче, и ветки стали почему-то ложиться ровнее.

Назад шли уже много быстрее. Родная река, видно, тоже пожалела уставших мальчишек и несла лодку своим течением сама, дав отдых их еще таким слабым телам.

Вернувшись домой, Колька с гор-

достью протянул бабушке три веника, которыми наградил его за работу дед. «Горе ты мое», – почти заплакала бабушка, увидев обожженного солнцем внука в перепачканной смолой одежде.

– Снимай сейчас же все с себя и садись есть!

Колька покорно разделся, на это у него еще хватило сил. Но только на это. До стола он уже дойти не смог. Он почти упал на стоящую рядом кровать и тут же крепко заснул.

Сон ему приснился какой-то странный. Он увидел большой Тайшет, в котором сидели на лавках деда. По рядам ходил товарищ Сталин и угощал их самым вкусным в мире хлебом, таким, каким угощал Кольку с Лекой дед. Сидящие деды обмакивали хлеб в воду, которую товарищ Сталин подавал им в больших глиняных чашках. Наконец, деды поели и дружно встали. Командовал дедами Лекин дед. Он махнул рукой, и деды одновременно гаркнули: «Да здравствует наш вождь и учитель, дорогой товарищ Сталин!»

И снова сели на лавки. Товарищ Сталин же подошел к крану, который был рядом. Такой кран Колька видел в парной их городской бани. Товарищ Сталин повернул кран, и весь Тайшет наполнился паром. В руках у товарища Сталина откуда-то появился большой веник, которым он начал хлестать по обнаженным тощим дедовым телам. Дедам, наверно, было очень приятно, коль они кряхтели и стонали от удовольствия. Но тут товарищ Сталин надал пару, и дедовское удовольствие кончилось. Тон их стонов переменился. Это был скорее плач и рев. У веника уже облетели все листья, но товарищ Сталин все хлестал и хлестал дедов голыми прутьями...

Тут и Колька почувствовал боль во всем теле, как будто это его хлестал товарищ Сталин.

От этой боли Колька проснулся. В окно светило раннее ласковое солнце. Около кровати стояла бабушка, вытирая ему слезы.

– Приснилось что-то страшное, Колька? – поцеловала она внука. – Эко как ты сгорел.

Тело его и в самом деле горело огнем, причиняя нестерпимую боль.

– Ну, ладно, потерпи, мы сейчас тебя полечим.

Она принесла немного сметаны, что осталась после удаления смолы с Коль-

киной одежды, и стала мазать ей внука. Тут уж боль стала совсем невыносимой. Колька даже закричал, не в силах терпеть. А бабушка ласково ворчала: «Кто ж тебе виноват, глупый ты мой».

И вскоре то ли это родное ворчание, то ли сметана сняли страшную боль.

Колька снова уснул. Никаких снов в этот раз он больше не видел.

Раковый бизнес

Мне приходилось слышать, что Господь создал Сибирь для наказания человека за его грехи. Может, и так, точно не знаю. Свидания с Богом у меня еще не было. Да я как-то не очень тороплюсь, ведь, если верить Владимиру Высоцкому, опозданий на это свидание не бывает.

Но Господь милосерден. И, видимо, поэтому существует в Сибири, а особенно на Алтае, множество прелестных мест, где великий грешник – человек – может поправить своё физическое и нравственное здоровье, омываясь влагой, идущей из матери нашей – Земли.

Одним из таких мест, бесспорно, является Теплый ключ, абсолютно шикарное сочетание основных природных целебных явлений. Правда, почему это место так названо, мне выяснить так и не удалось. Никаких ключей – ни холодных, ни теплых – там нет. А может, и был когда-то ключ, но люди уничтожили его, как уничтожают сейчас всю природу вокруг себя.

Расположенное здесь соленое озеро, в заливах которого целебная грязь, настолько велика, что противоположный берег едва виден. Говорят, что особую ценность его воде придают микроскопические рачки, населяющие его. Этих рачков вроде бы даже экспортируют. Концентрация соли же настолько велика, что можно лежать на воде практически без движения. А вот плавать трудно, так как ноги выталкиваются этой водой на поверхность. Мне приходилось плавать в нескольких морях, но там подобного явления наблюдать не удалось.

А буквально в сотне метров находится пресное озеро, не такое громадное, но по-своему тоже красивое. Берега его, заросшие камышом и кое-где кустами, очень удобны для подхода к воде.

Не могу не сказать о том, что и воздух здесь какой-то особенный. Эта особенность создается, видимо, смешени-

ем разных испарений, идущих из той бескрайней алтайской степи, что окружает это место, и из этих двух совершенно разных водных резервуаров.

Воздух там входит в тебя сам, вроде и не надо совершать никаких дыхательных движений.

При этом возникают необыкновенно приятные ощущения во всем теле.

А какие здесь закаты! Ничего подобного я не видел. Хотя, ты знаешь, немало закатов и рассветов на природе довелось мне посмотреть. Небо почти внезапно становится черным, только самый низ его горит каким-то необыкновенным пламенем, напоминая расплавленное железо. И вдруг по этому железному пламени проходят черные полосы, совершенно непонятно откуда взявшиеся. То внезапно на черноте небесной появляются столбы огня. На земле уже совсем темно от ночного мрака, а на небе боги все еще играют в свои огненные игры...

Правда, во всей этой чудесной красоте есть одно страшное «но». На ближнем к городу берегу вздыбилась громада завода. Нет, на нем не расфасовывают по бутылкам целебную воду из озера и не производят овечий сыр от многочисленных когда-то здесь отар. Здесь делали страшную штуку с красивым названием «зарин». Думаю, ты не забыл еще, что это такое. Теперь производство остановлено, огромная заводская труба слабо дымится вроде бы только для отопления города, но все равно становится как-то не по себе, когда обо всем этом подумашь. Но лучше об этом не думать. Множество людей, приезжающих сюда летом чуть ли не со всей страны, и не думают. Они искренне надеются решить свои проблемы со здоровьем и, представь себе, решают. Им можно верить, просто так много лет подряд человек не будет приезжать за сотни километров.

Красивые автомобили, шикарные палатки и – абсолютное отсутствие каких-либо удобств бытового плана. Неудивительно, что вся эта природная красота заброшена бутылками, пакетами и прочими отходами цивилизации. А люди, судя по экипировке, приезжают сюда небедные...

Здесь мой старый добрый приятель Николай Петрович сделал паузу в своем рассказе, затянулся сигаретой и устремил задумчивый взгляд в окно. Бетонные джунгли большого города были так не похожи на то, о чем он только

что рассказывал. В одном, правда, сходство было: множество бутылок и банок валялось кругом. Люди почему-то выбрасывают их прямо из окон, хотя во всех домах есть действующие мусоропроводы.

Если так пойдет и далее, подумалось мне, скоро все озера будут завалены битыми банками, а по городу надо будет пробираться, как по горному камнепаду. Только роль камней будут выполнять выброшенные бутылки.

Николай Петрович – человек уже весьма не молодой. Когда-то очень здоровый и сильный, он постепенно растерял свое здоровье на бесчисленных дежурствах, возвращая здоровье другим людям. Операционный стол был его рабочим местом сорок лет. И вот теперь вместо тайги, где он проводил ежегодный свой отпуск, охотясь на разных зверей, отдыхает на соленых озерах Алтая в надежде поправить свои изношенные суставы.

– В этом году, – продолжил свой рассказ Николай Петрович, – мы тоже отдыхали на Теплом ключе. Как всегда, мы расположились лагерем на берегу пресного озера. По рассказам аборигенов, в этом озере водится рыба, причем даже очень крупная.

Консервированная еда быстро надоедает, поэтому я тоже иногда ловил здесь рыбку. Много мне не надо, на одну уху достаточно. Но на удочку как-то не получается. Не большой специалист я по этой части. Всякие воблеры и ультралайты не по мне. Староват, видно, для освоения всех этих премудростей. В молодости, когда жил на северах, рыбачили мы на удочку, но дальше поплавков из балберы наши фантазии не шли. В этот раз на удочку ловил мой десятилетний внук Петька. Он живет в Москве, рыбалка на Алтае для него – экзотика, почти такая же, как ловля крокодилов где-нибудь в верховьях Нила.

Петька честно просидел весь вечер с удочкой, но поймал только одного маленького окунька, чему, правда, был безмерно рад. На уху такого улова явно не хватало. Поэтому, не мудрствуя лукаво, я решил бросить вдоль камыша пару сеток. В прошлом году таким образом поймал трех карасей, которых как раз хватило на добрую уху.

Поздно вечером я выставил свое «браконьерство», надеясь утром показать Петьке и его бабушке несколько красивых карасей. И вот это утро на-

ступило. Я подергал верхнюю тетиву – тяжело. Начал выбирать. Увидел я нечто такое, чего никогда в жизни не видел.

Сети буквально забиты раками. Сначала я пытался их выпутывать. Раки нещадно кусались, поранив мне чуть не все пальцы. Однако вскоре, убедившись, что сети безнадежно испорчены, я их снял и выбирал, а точнее, выдирал раков уже на берегу.

Вскоре образовалась целая гора этих деликатесов. Отложил себе пару десятков, предложил соседям, те отказались. Куда девать остальных – не знаю. И тут на велосипеде подъезжает к нам подросток. Мой Барс (немецкая овчарка) было зарычал, но поняв, что парень не представляет для нас опасности, успокоился. Разговорились. Оказалось, что Сашка, как он нам представился, живет в недалекой деревне Екатериновке. Мы начали расспрашивать Сашку о его житье-бытье. Житье это оказалось далеко не безоблачным.

Инвалид отец (болезнь Бехтерева – тяжелейшее заболевание позвоночника), мать – штукатур, перебивающаяся случайными заработками в ближайшем городке – в деревне, естественно, для нее работы нет. И сестра, на три года старше. Учится в техническом училище на повара.

– Деревня у вас большая?

– Две улицы – Первомайская и Целинная.

Вот это то, что получилось из той знаменитой когда-то песни: «Здесь, на далеком Алтае, голос мне слышится твой...» Я воочию увидел результаты освоения «целинных и залежных земель».

– А в деревне-то что делают люди?

– Водку пьют с утра до вечера.

– Корова хоть у вас есть?

– Была. Тогда жить было получше.

Да сосед в прошлом году зарубил ее лопатой, потому что она зашла к нему в огород.

Все это было рассказано Сашкой абсолютно спокойно, без каких-либо эмоций, будто речь шла о ловле раков. Мне стало как-то не по себе. Много всяких пакостей я видел в жизни, но вот такое – я даже представить себе не могу. Но Сашку, казалось, эти страшные жизненные обстоятельства совершенно не беспокоили, а сверкающие лаком автомобилями не волновали. Ты помнишь тот замечательный американский фильм «Генералы песчаных карьеров»? Там обез-

доленные ребята – Сашкины ровесники – громили шикарные автомобили, которые никогда не будут им доступны. А вот здесь все как-то по-другому. Ни тени зависти я не заметил в этом небольшом тринадцатилетнем человеке.

– А тут-то что делаешь? Рыбу ловишь?

– Раков. Продаю по пять рублей штуку. Обычно берут двадцать штук. Вот еще немного продам, куплю себе джинсы.

Мы отдали ему всех своих раков, выпутанных и невыпутанных. Сашка тут же при нас необычайно быстро выпутал раков, видно было, что для него это дело привычное. И мне показалось, что они его не кусали. Изорванную сеть бросили в костер. Сашка сложил раков в пакет и поехал вдоль озера на заработки.

– Грустную историю рассказал ты мне, Петрович. Жалко парнишку.

– Знаешь, жалко-то жалко, но как-то и приятно. Такой парень не пропадет. Он уже сейчас твердо стоит на ногах.

Счастливого пути тебе, Сашка!

Происшествие на хуторе близ Мариинска

*История, рассказанная мне
моей бабушкой*

Хутор наш пока еще совсем небольшой, скорее не хутор даже, а отруб. И стоит там только мой недостроенный дом с парой сараев. Земля вокруг – лучше не придумаешь: и луга заливные, и таёжка выходит языками на эти луга, и выпаса, и пашни много. В управе мне так и сказали: «Паши, сколько сможешь. Сколько скажешь, столько и запишем за тобой земли». Добрые люди. Вот только деньжонок бы побольше на обзаведение дали. Но все равно не жалею, что приехал сюда, в Сибирь. Работу знаю всякую, топор у меня что надо, здоровышкой тоже Господь не обидел. Вот только времени – хоть разорвись. И пахать надо, и строить, и рыбки поймать. Да еще и в лесу что-то добыть. А помощники-то кто? Жена Марья, да сын Антошка, десять ему только минуло. Стараются тоже, работают от зари до зари. Ладно, хоть кобылка моя на здешних лугах совсем поправилась. Даже хромать перестала. Но не выпустишь на пастбище одну. Зверь кругом, чего доброго, останешь-

ся еще и безлошадным. Вот и приходится Антошке пасти и кобылу, и корову. Да еще и жеребенка впридачу. Жеребенок-то уже вроде и не жеребенок, жеребец молодой, но необъезженный еще. Пора бы объезжать, скоро два года ему, да никак руки не доходят. Но ничего, пусть пасется пока на свежей траве. К осени объезжу.

Пасет Антошка скотину в основном днем, но иногда выходим с ним и в ночное. Тогда уж вдвоем, страшновато мальчика отпускать одного в ночь, да и надежда на него еще плохая – уснет, что с него еще взять. Лошади, стреноженные на всякий случай, корова с боталом.

И если днем разбредаются, то ночью ходят близко друг от друга, словно понимают, что вместе легче от зверя спастись. Да и ботало на шее у коровы помогает, зверь вроде бы побаивается его звяканья. Говорят так люди, а кто его знает, может, и не боится. Но, по крайней мере, легче найти корову, если Антошка вдруг зазевается.

Сегодня Ильин день. Праздник, вроде. Работать нельзя. Но это для богатых, а нам, грешным, некогда особо праздновать. Пока стоит ведро, надо много успеть, а то как зарядят дожди – работа только под крышей. Вот Марья моя и убежала в лес за смородиной, а я начал готовить колья для заплота.

Но неожиданно приехал Кузьмич, старый мой знакомый. Для меня это честь: Кузьмич по здешним меркам человек богатый. Болтают люди, что в молодости был он на каторге, бродяжил вроде потом. А вот сейчас разбогател. Может, так, может, не так, расспрашивать ведь не будешь. По крайней мере, я бедным его уже не застал. А я в Сибири уже пять лет.

Угощать гостя надо. Я быстренько собрал на стол. Ничего особо-то и нет, ладно, хоть огурцы поспели, и меду недавно накачал корчагу. Да и самогонка на всякий случай припасена. Сидим мы с ним, потихоньку выпиваем, толкуем о том о сем.

– А сам-то ты зверя видел?

– Как не видел. Следы на грязи вон какие, больше моих сапог. Пить приходит к реке, а иногда и к хутору подходит совсем близко.

– Ну, следы – это следы, а самого-то видел?

– Хитрый он, не показывается на глаза.

– А собак чего не пустил?

– Да что от них толку? По птице они только и идут. На глухаря лают, а чтоб на зверя – не знаю.

– Не скажи. Кобель-то твой от моих собак, а мои собаки от остяцких зверовых происходят. Я с ними уже двух медведей взял. Помнишь, наверно, в прошлом году, когда зверь моего жеребца покалечил, я порешил отомстить. А ты знаешь, я слов на ветер не бросаю. Два дня его со своими собаками выслеживал.

– Выследил?

– А как же. Заезжай как-нибудь, школу покажу.

Беседу эту вел Кузьмич как бы нехотя, видно было, что все это его не сильно интересовало. Я все ждал, когда он заговорит о серьезных делах. К тому времени четверть самогона была уже почти наполовину пуста. Кузьмич заметно повеселел, он все время улыбался, слушая мой рассказ о звере, татарские узкие глаза его блестели, и трудно было понять, к чему он клонит разговор.

И вдруг он, словно невзначай, заговорил о деле.

– Слушай, кобыла-то твоя совсем справная стала. Зачем тебе жеребенок? Лишняя забота. Продай его мне.

Я очень удивился этому предложению. У Кузьмича своих коней чуть не целый табун. Он сам их периодически продавал. А тут вдруг понадобился ему мой жеребенок. Жеребчик, конечно, видный. Крепкий, длинноногий, но норовистый вырос. Вот объезжу, добрый будет помощник.

– Хорошие деньги дам, не пожалейшь. На эти деньги любого коня можно купить, уже объезженного, да еще и на сбрую останется.

– Зачем тебе, Кузьмич, нужен мой жеребенок? У тебя своих коней девать некуда...

– Да вот, приглянулся он мне. Хочу его только под седло, не портить тележной-то упряжью. Ты ведь его в Колеуле у казаков брал? А у них кони в основном под седло. Мой жеребец так и не поправился полностью. Придется его продавать. Цыгане уже спрашивали как-то.

– Хитришь ты, Кузьмич, чего-то. Так я тебе и поверил. Мне, сам знаешь, цену распахивать надо. Тут одной кобылы маловато. А возиться с покупкой новой лошади мне недосуг, да и что купить – неизвестно.

– Ну, не хочешь продавать – давай

сменяем. Битюга моего знаешь? Отдам его тебе за жеребенка.

Битюга я, конечно, знал. Кто ж его не знал в нашей всей волости! Такого не было ни у кого. Гнедой битюг – всем на зависть. Пять лет жеребцу, тащит в подводе пудов сто, не меньше. Где только и достал его хитрый Кузьмич. Я очень удивился, услышав от Кузьмича такое предложение, – за этого битюга можно трех средних коней взять. Но виду не подал.

– Жалко мне его, Кузьмич. Вырастил ведь сам. Норовистый вроде, а ласковый.

– Жалко-то, жалко. Но – битюг! Ты пораскинь умишком-то своим. Сильнее коня не то что в волости, во всем уезде, а может, и во всей губернии нашей нет.

– Битюг, оно конечно, знаменитый конь. Но все же как-то жалко. Да уж и больно неожиданно ты все мне это предложил. Не знаю, как Маньке скажу, любит она его, как ребятенка того. Уж и ласкает, и целует даже.

– Ну, знаешь, бабе надо кого-то целовать. Пусть лучше тебя целует.

– И все-таки, Кузьмич, неспроста предлагаешь ты мне такой обмен. Что-то тут не то.

– Успокойся, все то. Тебе нужен очень сильный конь? Нужен. А мне нужен молодой жеребец под седло. Вот и все.

А может, Кузьмич и прав. Хитрый-то он хитрый, но вроде никого и не обманывал, слышно бы уж было.

– Ну, давай, соглашайся, а то засиделся я у тебя что-то.

– С Марьей бы посоветоваться.

– Ты сам не мужик что ли? Кто у вас решает, ты или она?

Мне как-то неудобственно стало при этих словах. Вообще-то, мы с моей Маней жили душа в душу. Хорошая она баба. Но я же все-таки на самом деле мужик! Мне и решать.

– Ладно. Согласен.

– Ну и добре.

Ударили по рукам.

– Через три дня привожу своего битюга и забираю у тебя каурого. А теперь с меня магарыч.

Кузьмич потянулся к своей замызганной котомке, с которой никогда не расставался. Сам он называл ее сумой. Вообще странно было видеть у богатого мужика, одетого в хороший сюртук, такую убогую суму. Многие спрашивали у него об этом, однако он только улы-

бался в ответ и говорил, любовно поглаживая свой штопанный-перештопанный мешок: «Она еще послужит». Сума эта стала знаменитой, кто-то пустил слух, что Кузьмич именно с этой сумой бродяжил, и что она каким-то образом прирешла ему богатство. Так – не так, не знаю. Но в этой суме всегда обнаруживались какие-то интересные вещи. Вот и теперь он, немного порывшись в этой бездонной холщевой сумке, вытащил бутылку зубровки. Бутылку такую я никогда не видел. Она была сделана в виде медведя, стоящего на задних лапах. И опять мне вспомнился этот чертов зверь. Какое-то смутное предчувствие, что будет у меня от него много неприятностей, овладело мною.

Кузьмич, видно, заметил перемену моего настроения.

– Что, передумал?

Мне стало как-то неловко.

– Кузьмич, мы же по рукам ударили.

– То-то.

Он налил по полстакана зубровки. Мы чокнулись и выпили.

– Да, – подумалось мне, – самогон ей и в подметки не годится. Стало совсем хорошо, даже медведь куда-то убежал из памяти...

Кузьмич вскоре уехал, а я прилег на лавку и задремал. Разбудили меня плач и причитания Марьи. Я открыл глаза и увидел Антошку. Весь грязный, на лице синяки. Дрожит и слова сказать не может. Я понял, что-то приключилось необычное.

– Успокойся, Расскажи толком.

– Не ругай меня, тятя, сильно, хоть и виноват я. Хотел прокатиться на Каурке верхом, – рассказывал сын, всхлипывая и вытирая грязный нос ладошкой. – Ты ведь сам говорил, что пора объезжать Каурку. Вот я и решил попробовать. Забрался я к нему на спину. Он как-будто ничего, но не идет. Я ему и так и так, давай, мол, Каурка, вперед. А он стоит, как вкопанный. Тогда я ударил его пятками под бока. Тут он как взлягнул задом, я и свалился с него, ударился об землю и стал без памяти.

– А жеребец-то где?

– Когда я очнулся, его уже не было, ускакал куда-то.

– Так он же спутанный!

– Так спутанный и ускакал. Я поездил-поездил верхом на кобыле, не нашел. Как сквозь землю провалился.

При этих словах горькие слезы брыз-

нули из синих глазенок моего несмышлениша. Жалко мне его стало, хоть сам плачь. Но и каурого жалко. И тут же ясно представились свежие медвежьи следы на водопое. А в том, что Каурка направился именно туда, где к воде очень удобный подход, я не сомневался. Да и трава там добрая. Искать его надо там.

– Дурак ты, дурак. Кто ж на необъезженного жеребца садится сразу, да еще и на незанузданного. Не так совсем это делается. Ну да ладно, вытри слезы. Никуда он не денется.

Говорю это, а у самого кошки на сердце скребут. Мерещится мне самое плохое.

Одна мысль у меня: свободный жеребец от медведя убежит, а стреноженный – навряд ли. Хотя, может, и не тронет его зверюга, лето сейчас, сытый он.

Я поднялся и вышел во двор. Двора-то еще и не было никакого. Так, утоптанное скотиной место между домом и сараями. Все не доходят руки до всего. Вот начал вроде делать сегодня заплот, а видишь, черт попутал, или Бог наказал, что работал в праздник – не знаю, но не получилось ничего с работой. Я не стал садиться на кобылу, а, прихватив около сарая хворостину, отправился пешком искать жеребца. Прошел с версту в противоположную сторону от того места, где Антошка пас скотину. Вышел на бугор, с которого хорошо виден овраг, поросший густым лесом. На другой стороне оврага спокойно пасся Каурка. Светлая грива его красиво спадала на темный круп. Я невольно залюбовался жеребцом. Однако когда я перевел взгляд на ближнюю ко мне сторону оврага, у меня по телу пробежали мурашки – по оврагу вдоль леса крался медведь. Буро-золотистая шкура его блестела в лучах закатного солнца, когда он показывался на глаза. Меня он не видел. Ясно, он скрадывал жеребца. Я растерялся. Ни ружья, ни топора, даже ножа с собой не было. От меня до медведя не более полуверсты, столько же, наверное, и до Каурки. Я знал, что напротив жеребца в лесу есть прогал. Через него и рванет медведь. Стреноженному Каурке придет какую. И не будет у меня ни Каурки, ни битюга. Обида и злость захлестнули меня, притупив чувство собственного страха. Дикий крик вырвался из моей глотки, и я бросился навстречу зверю, бессмысленно махая хворостинкой, будто не медведь пере-

до мной, а домашняя скотина. Хотел ли я этим предупредить Каурку об опасности – не знаю, я плохо соображал тогда. Медведь от неожиданности остановился, немного постоял, потом рывкнул и пошел ко мне. Нет, не побежал скачками, а медленно пошел. И тут на меня накатила волна страха. Я опрометью бросился к дому. Бог с ним, с Кауркой, самому быть бы живу. Бежал я со всех сил, не оглядываясь. Мне все казалось, что вот сейчас на меня упадет когтистая медвежья лапа – и все будет кончено.

Оглянувшись я только уже около собственного сарая. Медведь был от меня аршин сто, не больше. Привязанные к сараю собаки задыхались от злобного лая. И как я тогда пожалел, что не послушал совета Кузьмича, не спустил собак. Глядишь, и отвлекли бы зверя. Я заскочил в дом. На стене висело ружье, но что толку – не заряженное. Дверь прочного запора не имела, удерживать ее за ручку от медведя не получится. Марья с Антошкой были на чердаке, перебирали ягоду. Я взлетел на чердак по лестнице, сделанной из двухвершковых досок, и закрыл творило. Творило тоже из толстых досок, но запора нет и на нем.

Я встал ногами на крышку творила, кричу Марье:

– Давай топор! – Та ничего понять не может. – Вон он, рядом с тобой!

Благо, я перед приездом Кузьмича поднял топор на чердак, зачем, уж и не помню. Но, как показали дальнейшие события, не иначе Господь надоумил меня на это. Марья подала топор. И в это мгновение я почувствовал сильный толчок в крышку творила снизу.

Вот она, смерть всем нам, – мысль эта молнией ударила мне в голову.

– Марья, Антошка, живо сюда ко мне. Вставайте на крышку.

Толчки в крышку снизу следовали один за другим, становясь все сильнее. Но вдруг они прекратились. Я не могу понять, ушел, что ли, зверь, не добившись ничего. Или просто отдыхает.

Собак попередавит, они же привязанные, – мелькнуло у меня. Но собаки по-прежнему злобно лаяли. Видно, не подошел зверюга к ним. Я глянул на жену и сына. Они все еще толком ничего не понимали, но бледные их лица были искажены страхом. Некоторое время было тихо. Никакого движения внизу не слышно. Антошка с Марьей сошли с крышки, и в это мгновение она

поднялась, подняв на себе и меня. Показалась медвежья голова.

– Марья, Антошка, сюда скорее!

Они бросились ко мне, толкая друг друга, попытались встать на крышку. Но голова просовывалась все дальше. Уже видна шея. Наконец, Марья с Антошкой удалось встать на крышку. Она немного придавила звериную шею. Медведь захрапел. И тут я ударил топором по этой толстой шее. Мой недавно выточенный топор вошел в нее, наверное, наполовину. Страшный рев, кровь брызнула вверх струей. Видно, перебил ему боковую жилу. Я ударил еще раз. Рев прекратился. Раздался глухой, но мощный звук – звериная туша упала на пол, а голова осталась на чердаке. На нас смотрели неживые залитые кровью глаза зверя. Марье стало плохо. Я же не сразу понял, что произошло. Руки мои дрожали, топор готов был взлететь снова вверх для нового удара. Но тут я услышал крик Антошки: «Не надо, тятя!» Я опустил топор, поняв окончательно, что зверь нам уже не страшен.

А битюг на самом деле оказался хорош. Не обманул меня Кузьмич, царство ему небесное.

Шовинистка

*Рассказ Валентины,
бывшей восьмиклассницы*

Из всех школьных предметов лучше всего у меня, пожалуй, дело обстояло с черчением. Я делала чертежи чуть ли не всему классу. Но вот учительница черчения, Аглаида Федоровна... Отношения с ней были странными. С нас требовали строгую советскую форму школьной одежды: коричневое платье с черным фартуком. И прическу – только косички. И ничего другого не мысли. Никаких челок. А мне почему-то нравилась челка. Вот я и обрезала волосы, сделала челку. Аглаида Федоровна восприняла это как личное оскорбление. Да еще фамилия досталась мне от папы непривычная для здешних мест. Вокруг в основном Ивановы, Петровы, изредка Абдуловы, а тут – Калнинш. И хотя вряд ли Аглаида Федоровна в принципе имела что-то против латышей, фамилия эта, видимо, резала ей слух. Да еще и недозволенная челка, которая прямо лезла на глаза.

«Калнинш, выйди из класса, приведи себя в порядок!» Я знала, о чем идет речь. Выходила и приводила. Однако,

кроме того, что наклонить пальцы и немало прилизать непослушную челку, я ничего придумать не могла. Вскоре челка высыхала и возвращалась на место. И опять следовало выдворение.

Сама Аглаида Федоровна была очень строгих правил, по крайней мере в отношении своей прически: ее бесцветные волосы были аккуратно заплетены в две тоненькие косички и уложены каким-то серпом на голове, а сверху – маленький тоже бесцветный тусклый бантик. То ли в ее понятии это было пределом парикмахерского искусства, то ли в самом деле она была абсолютной пуританкой – не знаю. А может быть, ее пуританство было обусловлено ее общей полной бесцветностью. Имея четвертый десяток от роду, она никогда не была замечена ни в каких отношениях с противоположным полом, хотя бы отдаленно похожих на интимные. И искренне считала это своим главным достоинством.

Мои изгнания из класса продолжались с полгода. Выгнанная, я стояла в коридоре и потихоньку плакала. Как-то мимо шел директор школы Михаил Афанасьевич. Хороший был человек, все его любили. Он подошел ко мне и спросил:

– Что, не готова к уроку, не начертила?

– Да нет, готова.

– А в чем же дело?

– Да вот – челка...

– Ну, пойдем в класс.

Все встали, приветствуя директора.

– Садитесь. И ты садись, Валя. А вы, Аглаида Федоровна, зайдите после уроков ко мне.

Уроки кончились, и все побежали домой. Все, кроме меня. Мне очень хотелось узнать, о чем же директор будет разговаривать с Аглаидой Федоровной.

Дождавшись, пока уйдут и ученики и учителя, я прокралась к неплотно закрытой двери директорского кабинета. Видно было плохо, зато слышно хорошо.

Обычно очень вежливый, на сей раз директор даже не предложил Аглаиде Федоровне сесть.

– Аглаида Федоровна, по-моему, Вы не совсем правильно понимаете ситуацию. Надеюсь, наш разговор вам ее прояснит. Вы человек неглупый, должны во всем разобраться и сделать выводы.

Я не верила своим ушам. Михаил

Афанасьевич, всегда такой мягкий, добродушный человек, был сейчас так холоден и строг, что у меня мурашки забегали. Мне даже стало жалко ненавистную Аглаиду Федоровну.

– Думаю, вы не забыли, что вы – член партии, и я буду разговаривать с вами, как коммунист с коммунистом. Считайте этот разговор внеочередным партийным собранием.

Протокол вести на этот раз не будем. Но только на этот раз.

Михаил Афанасьевич сделал ударение на слове «на этот». В его голосе мне послышались металлические нотки.

– Вы понимаете, конечно, что речь идет о вашем отношении к вашей ученице Валентине Калнинш. Первое – фамилия. Да, фамилия латышская. Но вы не забыли, наверное, в каком государстве мы живем. У нас все народы равны. Кроме того, вам как коммунисту должно быть хорошо известно, что латышские стрелки охраняли нашего вождя Владимира Ильича Ленина.

В голосе Михаила Афанасьевича слышалась патетика. Он приостановил свою речь, как будто ожидал в этом месте аплодисментов. Однако их не последовало, дрожащей от страха Аглаиде Федоровне было явно не до аплодисментов.

– Второе. Отец Валентины, Василий Калнинш – знатный экскаваторщик, гордость нашего города. За производственные успехи награжден орденом Трудового красного знамени. Горком даже разрешил ему без очереди приобрести автомобиль «Жигули». Третье... Третье касается челки. Вы как член партии должны помнить по портретам видных деятелей международного коммунистического движения, что многие из них носили челку. И Клара Цеткин, и Роза Люксембург...

Я, конечно, хорошо знала эти фамилии, тогда их знали, наверное, все в нашей стране, ну, а в нашем маленьком городишке особенно, ибо несколько городских улиц, кривых и грязных, были названы именами этих деятелей и деятельниц. Однако большинство жителей как-то не очень воспринимали эти названия и по-прежнему называли улицу имени Карла Либкнехта Большой кирпичной, а улицу имени Розы Люксембург Малой кирпичной.

Я стояла за дверью и не верила своим ушам. Неужели из-за моей несчаст-

ной челки могут быть такие серьезные разговоры.

Внезапный порыв свежего весеннего ветра распахнул неплотно прикрытое окно. Ветер проник напором в кабинет и отворил почти полностью дверь. Так что мне стали хорошо видны оба участника разговора.

Говорил, правда, только один из участников – директор. Второй участник, Аглаида Федоровна, молча стояла перед ним навытяжку, как пойманный с папиросой пятиклассник. Бесцветное ее лицо покрыто красными пятнами, руки, плотно прижатые к тощим бедрам, мелко дрожали.

– Вы должны понимать, что, если вся эта история выйдет за пределы школы, в горкоме, – тут директор поднял вверх указательный палец и сделал многозначительную паузу, – будут недобольны. Это может быть расценено как великодержавный шовинизм.

Аглаида Федоровна попыталась что-то сказать, но от испуга не смогла произнести ни звука. Слово «горком» было для нее чем-то абсолютно страшным. Горком в ее понятии мог сделать всё, даже продать без очереди автомобиль. Сама она, конечно, про автомобиль не думала. Во-первых, у настоящего советского человека, коим она себя с гордостью считала, не должно быть таких мыслей, не для того она вступала в партию. Во-вторых, учительской зарплаты хватало бы, может, только на одно колесо к этому автомобилю.

А великодержавный шовинизм – это серьезно. Она точно не знала, что это такое, но смутно помнила из институтского курса истории партии, что это очень плохо и страшно, и что с этим явлением партия борется. За это могут и из партии исключить. А исключения она боялась больше всего на свете. Членство в партии хоть и не давало ей никаких материальных благ, возвышало ее, как она думала, над окружающими.

– Не буду вас больше задерживать. Надеюсь, вы всё правильно поняли.

До Аглаиды Федоровны не сразу дошло, что разговор окончен и она свободна. Ей казалось, что Михаил Афанасьевич сейчас скажет: «Завтра вас вызывают в горком», но он этого не сказал. Резко повернувшись, она выскочила из кабинета. Меня она не заметила.

Я стояла, буквально влипнув в стену, почти не дыша. И только собралась

каким-то образом исчезнуть, как услышала гомерический хохот директора.

Больше Аглаида Федоровна меня с уроков не выгнала и даже за год поставила пятерку.

Много времени прошло после того подслушанного мною разговора. Много изменилось. И уже автомобили продаются без вмешательства горкома, да и горкомы вскоре стали историей. Постаревшая Аглаида Федоровна продолжает работать в той же школе. И учит черчению мою старшую дочь Лену.

Как-то, вернувшись из школы, Лена поведала мне интересную, по ее мнению, историю, рассказанную Аглаидой Федоровной про девочку, которая когда-то, очень давно, у нее училась. Хорошо училась девочка, хорошо чертила. Но была очень дерзкой.

– В чем же выражалась ее дерзость?

– Выстригла себе какую-то необыкновенную челку.

– Ну и что из этого?

– Тогда это не разрешалось, у Аглаиды Федоровны возникли крупные неприятности.

Я улыбнулась и перевела разговор на другую тему.

Каково было мое удивление, когда через пару лет уже моя младшая дочь рассказывает мне эту же самую историю. Тут я не выдержала и расхохоталась: «А я знаю эту дерзкую девочку. Это твоя мама».

Дочери мои выросли, и черчением их жизни стали руководить уже совсем другие люди.

Аглаида Федоровна превратилась в сгорбленную седую старушку, абсолютно одинокую и беспомощную. И волос на серпик из двух косичек уже не стало хватать. Теперь ее волосы были коротко острижены, остатки их тоненькими серыми соломинками едва прикрывали кожу на ее голове.

Как-то я встретила свою бывшую учительницу на улице. Она с трудом передвигалась, неся в руке довольно тяжелую сумку. Поздоровавшись, я взяла у нее эту сумку. Разговор не клеился, общих тем не находилось. Но вдруг она сказала:

– А помнишь историю с челкой? Я понимаю сейчас, да и тогда понимала, что была не права. Но мне было как-то не по себе, что за тобой бегал Сережка, уж очень красивый он был парень...